

ИМРАН
ФАИКОГЛУ

НУЛЕВАЯ ГОРА

ГОРА ЖДЁТ ТЕБЯ.
НО ОБРАТНОГО ПУТИ НЕ БУДЕТ.

Имран Фаикоглу

Нулевая гора

«Автор»

2026

Фаикоглу И.

Нулевая гора / И. Фаикоглу — «Автор», 2026

«Нулевая гора» — это не просто история о загадочной экспедиции. Это психологический космический хоррор, где граница между безумием и реальностью стирается с каждым шагом в темноту. После катастрофы в Карпатах Томаз приходит в себя в стенах психиатрической лечебницы. Его группа исчезла без следа. Его лечащий врач Джалил уверен: пережитая травма породила у Томаза опасный бред о живой горе, скрытой глубоко подо льдом. Но сам Томаз знает — гора Делириум существует. Он слышал её голос. «Нулевая гора» — мрачный и атмосферный рассказ о вине, памяти и страхе перед неизвестным. История, где гора наблюдает за человеком так же внимательно, как человек — за бездной внутри себя самого.

© Фаикоглу И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Имран Фаикоглу

Нулевая гора

Глава

Часть первая.

Эпиграф:

„Господи, дай мне спокойствие принять то, чего я не могу изменить, дай мне мужество изменить то, что я могу изменить. И дай мне мудрость отличить одно от другого.“

Фридрих Этингер (молитва)

Ночью я начал спуск в ледяную расщелину горы Делириум. Луч налобного фонаря выхватывал из мрака лишь небольшой сектор обледенелой скалы, испещрённой серебрящимися кристаллами инея, будто письменами, и терялся в черноте. Тишина казалась почти осязаемой. Нарушал её разве что скрип кошек по льду да моё прерывистое дыхание, тающее в воздухе лёгким дымком. Я медленно, шаг за шагом, погружался в замёрзшее чрево горы.

Меня вёл голос из пожелтевшего дневника геолога — рассказ о «сердце горы», потаенной пещере, где лёд никогда не тает и излучает собственный, неземной свет. Он называл это место «Приютом безмолвия». Для всех — красивая легенда. Для меня — навязчивая идея, стоившая мне покоя, а в будущем, возможно, и жизни.

Пройдя около пятидесяти метров, я остановился на небольшом уступе. Здесь что-то изменилось. Я прислушался к ощущениям. Воздух стал неподвижным, а холод — не резким и пронизывающим, а будто бы ползущим, древним, исходящим из тысячелетних недр камня.

Луч фонаря скользнул по стене и замер. Лед здесь был другим — уже не мерцал, украшая камень, а будто рос из него, образуя гладкие узоры, похожие на замёрзшие русла рек. И этот лед... светился. Едва заметно, призрачным голубым светом.

Забыв об осторожности, я снял перчатку и коснулся ледяной поверхности. Она была гладкой, как стекло, но при этом вибрировала, передавая в пальцы тонкие колебания. Легенда оживала на моих глазах.

Хорошо, хорошо... я должен взять образец.

Тщетно пытаясь себя успокоить, дрожащей рукой я достал ледоруб, схватив его за ручку покрепче — осторожный удар, и в мою ладонь лёг небольшой осколок светящейся стены. Через минуту я смог аккуратно поместить его в термоконтейнер.

Я щёлкнул крышкой и поднял глаза — из отверстия в стене медленно текла густая, белёсая жидкость. Я смотрел и смотрел на эту субстанцию, наблюдал, как вязко и до странности плавно она выходит наружу.

Вот первые капли упали на заснеженный уступ у моих ног. В тот же миг раздалось громкое шипение, словно на раскалённую сковороду плеснули воду. Белая жидкость вскипела на снегу, и меня мгновенно окутал густой пар.

Я отшатнулся, прикрывая лицо рукой. В нос ударил резкий, стерильный запах — как озон после грозы. Тишину ущелья пронзил странный, нарастающий гул — он заполнял всё пространство, но шёл будто бы изнутри, из моего черепа. Я потряс головой, пытаюсь прийти в норму, но гул усиливался, обретая ритм.

Он стал походить на биение огромного, невидимого сердца.

Сквозь пар я теперь снова взглянул на стену. Отверстие, из которого текла жидкость, пульсировало, словно живая рана. Голубое свечение льда по всей стене стало ярче, мерцая в такт гулу в моей голове.

Страх, холодный и липкий, пробрался под ребра. Гора жила — и я не просто взял образец, я её ранил.

Луч фонаря нащупал внизу, метрах в пятнадцати от меня, небольшой выступ. Оттолкнувшись от стены, я начал спуск, медленно пропуская трос между пальцами.

Скоро ботинки коснулись твёрдой поверхности. Дыхание перехватило, когда я огляделся и понял: этот крошечный выступ — всего лишь каменный «язык», перед зияющей в отвесной стене огромной расщелиной. Входом в ещё более глубокую тьму.

Из провала тянуло промозглым, затхлым воздухом. Я закрепил страховку на уступе и направил луч фонаря внутрь.

Тёмно-фиолетовые стены пещеры уходили вглубь, насколько хватало света. Пол покрывал ровный слой мелкой чёрной пыли, похожей на пепел.

Пробиваясь сквозь пепел, из-под земли тянулись пальцы. Ногти и лунки забиты грязью. Это была рука. Человеческая рука.

К горлу подкатила тошнота. Больше всего я хотел зажмуриться, развернуться и больше никогда не смотреть в эту сторону. Но остался там, где стоял.

Я бросил взгляд наверх. Вербка уходила в непроглядную тьму, растворяясь в пустоте.

Зов загадки пересилил остатки здравого смысла.

— Я сделал шаг в мрак пещеры. Тогда я не знал, что пути назад больше нет... — на этих словах я замолчал, поморщившись, словно снова почувствовал тот гул в висках.

В кабинете воцарилась тишина. Доктор Джалил слегка откашлялся — сухо и нарочито громко, возвращая меня из глубин памяти к реальности.

Я с усилием поднял на него взгляд, полный нежелания продолжать.

Доктор сидел в кожаном кресле напротив меня, сложив пальцы домиком. В его глазах не было ни капли сочувствия, только холодный профессиональный интерес.

— И вы вошли? — его голос прозвучал тихо. — Несмотря на очевидную опасность. Вы просто... вошли?

Я горько усмехнулся.

— Да. Я шагнул внутрь. Под ногами противно захрустела чёрная пыль. Я сделал ещё шаг, и луч фонаря проявил тень, прятанную за каменной рукой...

— Поймите, — мягко, но настойчиво перебил меня Джалил. — Минуту назад вы сказали, что увидели «кисть руки, тянущуюся из-под слоя чёрной пыли». Вы описали её как настоящую. А теперь говорите, что она из камня. Так какая же это рука?

Я растерянно моргнул. Воспоминания о пещере плыли, меняя форму, как дым на ветру.

— Она... — я потёр виски, пытаюсь ухватить ускользающий образ. — Всё верно. Сначала она показалась мне настоящей. Живой. Но когда я подошёл ближе, и свет упал под другим углом, стало понятно — рука из камня. Идеально гладкого серого камня, теплее и органичнее, чем окружающая порода.

— Понимаю, — кивнул доктор, хотя по лицу было видно: он ничего не *понимает*.

Джалил помолчал ещё немного, я молчал вместе с ним. Тогда он добавил:

— Но вам не показалось это странным? Присутствие столь искусной скульптуры в пещере? Рука, которая меняет свою сущность в зависимости от освещения? Как это вписывается в вашу первоначальную, вполне рациональную картину мира?

«Он ловит меня на противоречиях. Хочет застать врасплох, — подумал я. — Нельзя этого допустить».

Я выпрямился, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо и уверенно.

— Доктор, давайте остановимся на том, что рука выточена из камня. Сейчас я вспоминаю это отчётливо.

На губах Джалила мелькнула тень улыбки, но тут же и исчезла.

— Как скажете. Продолжайте.

Я мысленно вернулся в ледяной мрак.

— Да. Я подошёл ближе к руке. Я чувствовал, как хрустит под подошвами ботинок замерзшая почва...

— Пыль, — снова перебил доктор.

— Что? — Внутри меня вскипел гнев.

— Вы говорили, под ногами захрустела чёрная пыль, похожая на пепел, — Джалил постукал ручкой по блокноту. — Я точно записал ваши слова.

Он смотрел пристально, не моргая. Изучал мои реакции, словно я был подопытной крысой в лабиринте его вопросов.

— Пыль... но только у входа, — поспешно солгал я, чувствуя, как краснеют уши. — Дальше, пока я шёл к руке, пол пещеры изменился, доктор. Он стал твёрдым, как камень... но в то же время — скользким. И будто слегка липким под подошвами.

Я сделал паузу, ожидая нового укола, но Джалил молчал, предоставив мне самому затягивать на себе петлю.

— И вот тогда я увидел руку во всей её... красе.

Из гладкого пола вырастала глыба, обтесанная в форме кулака. Только один палец — указательный — был вытянут и впивался в темноту впереди, словно требовал, чтобы я пошел в этом направлении.

Я подчинился. Проследив лучом фонаря по направлению пальца, я уперся в ровную, тёмно-фиолетовую стену в конце пещеры. Ни трещин, ни надписей, ни выступов — только глухой, отполированный до блеска монолит. Я подошёл ближе, ведя пятном света по стене, а когда оказался уже в паре метров, она изменилась.

Фиолетовая поверхность пошла рябью, как вода от брошенного камня. Затем начала светлеть, терять плотность — стала такой... полупрозрачной, как тёмное стекло.

За мнимой стеной, в толще скалы, я увидел невозможное: переплетаясь в пульсирующую сеть, там текли потоки того самого голубого света, который я раньше видел во льду расщелины.

Я стоял, парализованный ужасом и восторгом, и смотрел в живые, светящиеся недра горы Делириум.

— Странно, — пробормотал Джалил.

— Вы ведь и сами осознаете тот факт, что реальный спуск, который так точно описан, сейчас обретает более мистический характер. Так? Что же изменилось, Томаз? И где та грань в вашей голове?

— Грань?

— Между реальностью и фантастикой.

Я пожал плечами.

— Продолжим, — кашлянул Джалил.

— Да. Я снял перчатку. Кожа мгновенно покрылась мурашками от холода. Я протянул руку вперёд — туда, где камень переставал быть камнем.

Пальцы коснулись стены. И она поддалась — как плотный гель, как упругая, холодная мембрана.

Гул в голове взорвался оглушительной какофонией.

Бесконечный поток данных — о том, сколько же на самом деле лет уже этой горе, какова она внутри и снаружи. Её голод, её космическое одиночество.

Она почувствовала меня — крошечное, тёплое, непоследовательное существо, полное страха и шума. И я ей не понравился.

В следующее мгновение невидимая сила врезалась мне в грудь. Меня швырнуло назад — я рухнул на спину, ударившись шлемом о камень. Фонарик откатился в сторону, и пещера на миг погрузилась во мрак. В глазах заплясали искры.

Лёжа на полу, оглушенный, с трудом переводя дыхание, я понял две вещи:

Первая — гора была разумна.

Вторая — она только что сказала мне: "Убирайся."

— Так мы и поступим, дорогой Томаз. На сегодня о горе хватит. — Доктор решительно закрыл блокнот. Он кивнул на часы:

— Пора принимать лекарства. Вы ведь помните про таблетки?

"Конечно, я помню, — подумал я. — Две синие, одна белая."

Медсестра с глазами, как у аквариумной рыбки, всегда приносит их за полчаса до ужина. Таблетки — такой же обязательный элемент моего дня, как сеансы с доктором Джалилом... и сны о фиолетовой пещере.

Дверь в кабинет открывается без всякого стука. Медсестра заходит, вежливо кивает доктору и берёт меня под локоть своей влажной, сильной рукой.

Я никогда её об этом не прошу, но она всё равно это делает, словно я могу рассыпаться по дороге. Не отпуская, она выводит меня из кабинета в длинный коридор.

Этот коридор всегда одинаковый, в какое бы время суток я в него ни попал. Он пахнет хлоркой, застарелой тоской и подгоревшей кашей из пищеблока.

Высокие потолки теряются в полумраке, а единственный источник света — тусклые люминесцентные лампы на стенах, гудящие надрывной, монотонной нотой. Их мертвенно-белый свет заливают вытертый до желтизны линолеум, местами вспучившийся от сырости.

Стены выкрашены в тот самый оттенок зелёного, который называют терапевтическим. Он должен успокаивать, но на деле лишь высасывает из воздуха все краски. Под слоем облупившейся штукатурки проступают следы старых ремонтов — сначала грязно-голубой, потом уныло-бежевый. Геологический срез больничного времени.

Вдоль стен расставлены жёсткие дерматиновые банкетки, на которых никто никогда не сидит. Двери в другие палаты и кабинеты одинаковые, безликие, с маленькими окошками из армированного стекла, в которых порой мелькают чьи-то тени. Тишину нарушает только шар-

канье наших шагов и далёкий, приглушённый вой — то ли вентиляция, то ли шум самой горы Делириум, который никогда не покидает меня, даже здесь.

Мы проходим по «коридору смерти», как я его называю, и молчаливая как рыба медсестра заводит меня в палату № 17-Б. Я тут живу, если можно так назвать это бытие.

Иногда ко мне залетает единственный живой гость — муха. Она садится на облупленный подоконник.

Рыбка усаживает меня на край кровати. А сама бесшумно скрывается за дверью, чтобы через мгновение вернуться и запихнуть в меня очередную порцию таблеток.

Как только щёлкает тяжёлый замок, я устраиваюсь поудобнее у окна, откуда в палату пробивается дневной свет. В этом месте он совсем другой. Не такой, как там, снаружи.

Возможно, природа света и однородна, но здесь, в палате, он обретает отчуждённую, едкую белизну. Дневной свет тут не радует, а действует на нервы.

Он лишь имитирует жизнь, создавая тусклые, безвольные тени, которые ползут за мной по палате, как надзиратели. Порой мне кажется, что я променял бы этот беззубый, лживый дневной свет на один только час той густой, честной темноты в сердце горы. В ней было больше жизни, чем во всём этом белом, стерильном дне.

Доктор Джалил не считает меня сумасшедшим. Он говорит, что всё моё состояние укладывается в один, имеющий чёткий образ, симптом. Джалил называет это «синдромом деперсонализации».

Я долго привыкал к этому слову, но на одном из сеансов всё-таки неуклюже выговорил его. Доктор Джалил с иронией посмотрел на меня поверх очков и одобрительно кивнул, словно я был прилежным учеником, наконец-то освоившим сложный урок.

— Ваше состояние уникально, Томаз. Оно балансирует на грани настоящего и надуманного, — объяснял он мне однажды. — Высокий стресс, а также истощение, как моральное, так и физическое, ввиду долгого пребывания в одиночестве, в итоге привели к тому, что я называю эффектом брошенного крюка.

Последний термин доктор выдумал сам, описывая уникальность моего случая. По его теории, этот «брошенный крюк» сознания цепляется за отдельные, самые яркие моменты, прожитые в экстремальных условиях. А затем выдёргивает их из контекста реальности, смешивает и рисует в голове цельную, но фантастическую картину — ту самую историю о «волшебной» горе, которую я ему и рассказываю.

Но я с ним категорически не согласен. И этой своей яростью неприятия я теперь делюсь с единственным слушателем — мухой.

— Джалил не прав, — говорю я ей, улучив момент, когда муха не жужжит по комнате, а сидит на подоконнике. — Я совершенно точно спускался в ту расщелину. Но я не могу описать её так, чтобы он увидел. Потому он и не верит. Ну а как Джалил объяснит вот это?

Я протягиваю вперёд руки, показывая мухе старые шрамы на ладонях от верёвки.

— Смотри, все руки изрезаны. Уж это-то не выдумка.

После таблеток всегда кружится голова. Если вовремя не поужинать, могут начаться галлюцинации, поэтому с едой тут всё строго. Ужин ровно в семь. Время я обычно узнаю от Рыбки. Она говорит это, внося поднос в палату:

— Девятнадцать ноль-ноль, мистер Томаз. Кушать подано.

Я и ужин буду поглощать в своей одиночной палате. После последнего обострения мне строго запретили выходить к другим.

Тогда всё началось с обычного звука — лязг вилки о металлическую тарелку в общей столовой. Но мне так и не удалось объяснить им, что для меня он стал раскалывающим мир ударом: стены дрожали, свет мерцал, а собственные мысли кружились в хаотичном вихре, переставая подчиняться мне.

Стрессовая реакция? Нет, это гора издавна наслала бурю. Но разъяснить это Джалилу невозможно, так что с тех пор мне предписан полный покой — физический и душевный.

Рыбка ставит поднос на выдвижной столик у кровати. Я всегда отмахиваюсь, когда она пытается повязать мне салфетку.

— Я сам. Я не псих, — говорю я ей каждый раз.

Она молча кивает и выходит, не споря. Это часть ритуала. Моего маленького, ежедневного бунта.

Здесьнюю еду можно оценить по трём критериям: визуальному, обонятельному и вкусовому. И по всем трём она проваливается. Огурцы и помидоры на вид довольно свежие, но на вкус — чистый пластик. Салат зелёный и хрустит, но его забыли посолить — как, впрочем, и всегда.

А про горячее и сказать что-то сложно. Сегодня это серая гречневая каша, по консистенции напоминающая тротилловую смесь, и котлетка, слепленная в форме детонатора. Идеальный набор для того, кто хочет взорвать этот унылый вечер изнутри.

Через пятнадцать минут «приплывает» моя Рыбка. Огурец уже откушен наполовину, салат кое-как сгрызен, а «бомба» сегодня так и не сработала — лежит нетронутой.

— Вы плохо едите, мистер Томаз. Совсем выбьетесь из сил, — говорит она своим картонным, безразличным голосом.

Я молча отмахиваюсь. Она, не споря, помогает мне лечь и укрывает одеялом.

«Зачем она зовёт меня "мистер Томаз"? — думаю я, глядя в потолок. — Начиталась, видимо, заграничного ширпотреба. Какой из меня "мистер"?»

Обычно после ужина и таблеток я в течение часа мягко погружаюсь в сон. Муха в поисках зрелищ перелетает с подоконника и устраивается у меня на груди.

Я чувствую её крошечные лапки и представляю, как она смотрит на меня своими фасеточными глазами.

— Так вот, — шепчу я ей, продолжая свой рассказ. — Я пролежал в той пещере минут десять, не меньше. После того как гора отшвырнула меня, сияние за стеной погасло, и всё превратилось в одну сплошную, жирную чёрную точку. Шлем разлетелся на части.

Где-то неподалёку я видел свет фонарика. Протянув руку к этому бледному пятну, я нащупал его холодный корпус и крепко сжал в ладони.

Луч вырвался, рассеяв фиолетовую тьму. Только теперь, осторожно присев, я смог себя осмотреть. Вроде бы, цел. Но тут же шею обожгла тёплая струйка, скользнув за шиворот. Пальцы на затылке нащупали влажную липкость — кровь.

Рана, судя по всему, неглубокая, но волосы вокруг уже слиплись. Пошарив в рюкзаке, я достал ситцевый платок и плотно прижал его к затылку.

Потом провёл лучом ниже и замер. Там, где секунду назад была ровная поверхность, зияло отверстие. И из него, уходя в чёрную, поглощающую свет глубину, вилась каменная лестница.

Ступени уходили вниз, описывая неправильную спираль, и терялись из виду. Гора не просто вытолкнула меня. Она открыла мне новую дверь. И теперь мне предстояло решить, хватит ли у меня безумия заглянуть внутрь.

— И что, хватило? — поинтересовался доктор.

Он смотрел на меня так, как смотрят на безобидного психа, который рассказывает занятную, но очевидную небылицу.

— Конечно, — ответил я, глядя ему прямо в глаза.

Сеанс всегда начинается в девять. Сразу после завтрака Рыбка по коридору смерти ведёт меня в кабинет Джалила. Там она что-то шепчет ему на ухо и передаёт исписанный лист с отчётом о моём распорядке.

Пока я устраиваюсь в кресле, доктор приветствует меня сухим кивком. Затем он начинает щёлкать по клавиатуре, будто исполняя симфонию, — заносит мои ночные бормотания в ноутбук. А я...

Я снова застрял там, в холодной фиолетовой пещере.

Платок на затылке пропитался кровью. Голова гудела, но не от удара, а от близости к этому новому проходу — дальше, вглубь. Я чувствовал исходящую из глубины вибрацию, зов, который сильнее страха и боли.

Ступени были вырезаны из того же гладкого камня, узкие и неровные, без перил. Они уходили во мрак так круто, что казалось, это спуск не в пещеру, а в самую преисподнюю.

— Я должен был спуститься. Так что почти тут же сел на край, свесив ноги в отверстие, — сказал я доктору, не отводя взгляда. — Перепроверил узел на платке, поправил фонарь на голове и начал спуск. Шаг за шагом, в абсолютную неизвестность.

Доктор оторвался от клавиатуры и посмотрел на меня исподлобья.

— Как же вы собирались спускаться в крошечной темноте, Томаз? Ресурс фонарика не бесконечен. Рано или поздно сел бы аккумулятор...

— Фонарик был нужен только для первых десяти ступеней, — фыркнул я, — потом я увидел свет. Бледный, как озябшая кожа.

Сначала это было сияние, озаряющее края ступеней где-то далеко в глубине. Но с каждым моим шагом вниз свет все больше заполнял пространство.

Стены этого колодца оказались не гладкими. Они покрыты были сетью тонких, пульсирующих голубых вен. Да! Я спускался в живом, дышащем, светящемся организме.

Доктор откинулся на спинку кресла и задумчиво прикусил дужку только что снятых очков.

— Чудеса, да и только... — пробормотал он то ли мне, то ли себе.

Я одобрительно кивнул.

— Ступени к концу спуска начали заметно сужаться, пока вовсе не превратились в едва выступающие из стены каменные зарубки. К счастью, ещё через пару шагов я оказался на ровном полу.

Передо мной простиралась огромная каменная дверь, вся усыпанная кристаллами горного хрусталя и обрамлённая чем-то, похожим на толстое, оплавленное стекло.

Голубые вены сходились к этой двери, вливаясь в неё, и заставляли кристаллы на поверхности мерцать и пульсировать в такт всё тому же гулу. Только он теперь звучал не в голове, а...

— Где же?

— Повсюду вокруг.

Дверь не имела ни ручки, ни замочной скважины. Я подошёл ближе, и тёплый голубой свет окутал меня. Тогда я протянул руку и коснулся центрального, самого крупного кристалла.

В тот же миг пульсация усилилась, и дверь ответила. Она не открылась. Она... растворилась. Камень и кристаллы на моих глазах утратили плотность, превратившись в вихрь светящихся частиц, который втянулся в стены, открывая проход.

За порогом была пещера. Огромная, почти идеальной сферической формы. И в центре, в воздухе, не касаясь пола и потолка, парила та самая сфера из тёмного, не отражающего свет металла, которую я видел в дневнике геолога.

Она медленно вращалась, а вокруг неё, как планеты вокруг солнца, кружились сотни светящихся голубых огоньков.

Пол пещеры был покрыт слоем чёрной пыли. И на этой пыли, повсюду, лежали вещи: ржавые ледорубы, истлевшие верёвки, старые камеры, флаги, блокноты. Всё, что когда-либо терялось на этой горе. Всё, что она забирала себе. Похоже, я первый, кого она впустила сюда живым.

— Нестыковочка получается, Томаз, — цепкий голос доктора выдернул меня из воспоминаний. — Если геолог описал эту комнату или, допустим, пещеру в своём «призрачном» дневнике, значит, он её видел. Не во сне же она ему приснилась? Выходит, вы не первопроходец.

“Ему меня не переиграть. Я-то знаю правду.”

— Он действительно её видел, доктор. Но он из неё не вышел, — тихо ответил я.

— Но дневник... вы же нашли дневник до экспедиции.

— Я нашёл часть дневника, — я подался вперёд, понизив голос до шёпота. — Несколько вырванных, пожелтевших страниц. Без конца, без объяснения. А остальная часть...

— Но ведь никакого дневника нет, Томаз, — голос Джалила зазвучал тихо, почти сочувственно. — Его не существует. Вы ведь сами всё это придумали, не так ли?

Я сжал кулаки так, что побелели костяшки. В ушах зашумело.

— Нет! Я листал эти проклятые страницы!

Я посмотрел на непроницаемое лицо Джалила и вдруг почувствовал страшную усталость. Какой смысл? Он не слушает. Он препарирует. Каждое моё слово, каждое воспоминание он аккуратно раскладывает по полочкам с названиями «симптом», «галлюцинация», «синдром». Он видит перед собой не человека, а историю болезни.

Я откинулся на спинку кресла и закрыл глаза, отгораживаясь от Джалила и его кабинета.

— Вы не верите, потому что не можете этого объяснить, — сказал я уже тихо, больше для себя, чем для него. — А я... Я стоял в центре этой сокровищницы.

— Мне не нужно спускаться в вашу пещеру, Томаз, чтобы понять её природу. Всё это — лишь осколки ваших воспоминаний, пережитых в условиях стресса и истощения. Но я и не отрицаю существование какой-то пещеры. Возможно, та, в которой вы оказались, была вполне реальной, а не мистической... Только без «голубых вен» и «парящего шара посреди волшебной комнаты».

— Сфера настоящая. Она висела в центре зала, и тишина вокруг неё обступала плотной пеленой. Вся энергия пещеры утекала в эту крошечную точку абсолютной черноты.

Я сделал паузу, собирая мысли.

— Я подошёл к ней. Я не знаю, зачем. Ноги шли сами. От сферы исходил не холод и не тепло. От неё исходило... ничто. Отсутствие света, звука, времени. Это была самая пустая и одновременно самая полная вещь, которую я когда-либо видел. И я протянул к ней руку, чтобы коснуться.

— Глупо... но интересно, — пробормотал Джалил. — И вы что-то почувствовали?

— Тьму и холод, — ответил я. — А затем меня разбудили.

— Кто же? — Доктор подался чуть вперёд, наострив уши и боясь пропустить хоть слово.

— Местные жители. Точнее, жительница. Её звали... — я запнулся, поймав себя на том, что в голове абсолютно пусто.

Я растерянно посмотрел на Джалила.

— Вокруг был снег, — я решил описать всю картину, всё ещё надеясь, что тут же и вспомню. — Куча снега. Чьё-то лицо склонилось надо мной. Женское лицо. Но имени нет!

— Постарайтесь вспомнить, Томаз. Это важно. Как она выглядела? Что она сказала?

— Она была старая... морщинистая, как печёное яблоко. — Я закрыл глаза, пытаюсь ухватить образ. — Закутана в какой-то тулуп. И она что-то кричала... не мне, а кому-то ещё, рядом с ней. Я не разобрал слов. Помню только, как меня подняли, усадили на сани и повезли вниз, в деревню. Всё тело ломило, а во рту властвовал явный вкус крови.

Я открыл глаза.

— Они спасли меня, доктор. Нашли у подножия Делириума, почти замёрзшего. Никакой пещеры, никакой лестницы. Только я, мой рюкзак и верёвка, обмотанная вокруг пояса. Я, видимо, спускался с нее... и сорвался.

— Ну! Эврика! — Джалил ударил по столу ладонью.

Я вздрогнул и вцепился в воротник своей рубашки. Пусть, пусть он всё выскажет...

— Вот! Спускались! Конечно, вы спускались, Томаз! С той самой горы, о которой я и говорю. С настоящей, реальной горы. Без всяких сфер и винтовых лестниц. И вы сорвались у её подножия. Хорошо, что не насмерть!

— Нет! Нет! Я был в пещере! Был!

— То есть, вы были в двух местах одновременно? — доктор прищурился. — Правильно я вас понимаю?

Этот вопрос я уже почти не слышал. Я закрыл глаза, и кабинет исчез. Передо мной снова надулась чёрная сфера, висящая в голубом сиянии. Моя рука тянулась к ней.

— Когда я коснулся её, доктор, и времени не стало, — прошептал я в бреду. — Гора, пещера, лестница, снег у подножия, сани, старуха, ваша палата — всё это случилось одновременно, в одной-единственной точке.

— Элеонора! Где Элеонора? — закричал я и открыл глаза.

Доктор сидел в кресле, подперев голову ладонью. Он молча наблюдал, как я барахтался в обрывках прошлого, выплевывая только бессвязные, рваные фразы. Его морщинистый лоб тяжело навис над внимательными глазами..

— Имя. Элеонора. Кто она? — голос Джалила прозвучал ровно, монотонно, как писк старой и вечно мигающей лампы над головой.

Я сглотнул.

— Какое имя? Где я? — прохрипел я.

Доктор медленно опустил руку и сложил пальцы в замок на коленях.

— Вы говорили о ней. Об Элеоноре.

Имя ударило в виски, как раскаленный гвоздь.

Меня с силой отбросило на спинку кресла, так что кожа обивки холодно скрипнула. Туман в голове начал рассеиваться, и на его месте проступал липкий, первобытный страх.

— Так что с ней случилось? — мой шепот прозвучал жалко и тут же утонул в давящей тишине кабинета.

Доктор чуть заметно улыбнулся краешком губ.

— Это именно то, что мы и пытаемся выяснить. Вы. И я.

Нужно было рассказать, то есть выговорить вслух то, что я знаю.

— Я увидел ее, как только открыл глаза. Ее волосы свисали так низко, что щекотали мне лицо, а губы беспрестанно дрожали в попытке выговорить хоть слово.

Я отчетливо помню, что не чувствовал тогда своего тела — будто после долгого падения в бездну. Ни сферы, ни синих вен больше не было. Только ее лицо. Лицо Элеоноры, окаменевшее от ужаса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.